

В салоне автомобиля воцарилась тишина. После бурных часов страсти небо уже начало светлеть, окрашиваясь в серо-голубые тона и затягиваясь утренним туманом. Воздух за окном был наполнен чистой, прохладной свежестью.

Ли Жун неловко скатился с колен Цэнь Сяо и откинулся на спинку сиденья. Он тяжело дышал, глядя в пустоту перед собой; ноги всё еще подрагивали — сказывалось напряжение от долгого пребывания в вычурной, крайне неудобной позе. Наброшенная в беспорядке верхняя одежда прикрывала на коже двусмысленные отметины.

По спине еще стекали капли пота, мгновенно испаряясь в утренней прохладе. Юноше потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя, прежде чем он смог заставить пальцы слушаться и застегнуть пуговицы.

— Мне пора в общежитие. Уже рассвело, — голос Ли Жун звучал глухо и хрипло.

Цэнь Сяо коснулся пальцами его влажного виска и с притворной тоской пробормотал:

— И когда только кончится эта жизнь на бегу?

Ли Жун редко слышал в его интонациях подобные нотки, а потому, несмотря на смертельную усталость, не удержался от смеха. Его плечи мелко задрожали.

— Ну, я ведь очень стараюсь, — иронично бросил он.

Собеседник помог ему плотнее запахнуть одежду, после чего перебрался на водительское место и взял курс на жилой сектор Университета А.

Хотя Ли Жун и взял академический отпуск, он всё еще жил в кампусе. И дело было вовсе не в гуманизме администрации — просто плата за общежитие уже была внесена, а бюрократическая процедура возврата денег оказалась настолько утомительной, что отдел управления жилым фондом предпочел закрыть на это глаза. Всё равно на его место никого не подсадили бы, а так университет мог лишиться раз погреться в лучах славы своего выдающегося студента.

Ли Жун вышел из машины в пустынной переулке, где его никто не мог заметить, и направился к себе. Когда он открыл дверь комнаты, Сун Хэ уже проснулся.

У того не было той смелости, что позволила Ли Жуну бросить учебу. Ему приходилось разрываться между занятиями и стажировкой в лаборатории, и он отчаянно пытался растянуть двадцать четыре часа в сутки хотя бы до сорока восьми. Впрочем, трудолюбия парню было не занимать, и он стойко приспособивался к любым трудностям.

Увидев соседа, Сун Хэ замер в изумлении:

— Ты... ты что, только сейчас из лаборатории? Всю ночь работал?

Ли Жун на мгновение замялся, но ответил ровным голосом:

— Угу.

Сон наваливался на него неподъемным грузом. Он даже не был уверен, аккуратно ли застегнута его одежда и не выглядывает ли из-под воротника какой-нибудь предательский след.

Сун Хэ посмотрел на часы и озабоченно произнес:

— Нельзя же так себя изматывать. Может, отдохнешь сегодня?

Ли Жун устало потер переносицу:

— Сегодня не получится. В университете запланировано выступление, так что в лабораторию пойду только после обеда.

***

Слава — это инструмент, способный влиять на многие вещи. Когда Ли Жун только поступил, он был лишь безликим студентом из «отстающего» класса, до которого никому не было дела. Теперь же учебная часть Университета А лично пригласила его выступить с лекцией. Для студента, ушедшего в академический отпуск, такая честь была беспрецедентной.

У руководства вуза, по правде говоря, не оставалось выбора — популярность Ли Жуна зашкаливала. Каждое его интервью мгновенно взлетало в топ поисковых запросов. Обсуждали всё: от процесса воссоздания «Люйиньсюй» до покроя его одежды и манеры речи. Энтузиазм публики превзошел все ожидания.

«Я снова ничего не понял из того, что говорил учитель Ли, но это не мешает мне любоваться его красивым лицом»

«Наш Жун-бао одевается всё строже и строже... Мамочка хочет увидеть его в студенческой форме!»

«В лабораторном халате он выглядит просто сногсшибательно... А-а-а, хочу замуж за учёного, он такой красавчик!»

«Проснись, халат идёт далеко не каждому»

«Вообще-то профессор Ли тоже был хорош собой, ха-ха. Жаль, прославился поздно, зато его сын — мой ровесник»

«Люйиньсюй, GT201 — даже названия звучат красиво, а уж человек, который ими занимается...»

«Кто бы мог подумать, что я, студентка факультета искусств, буду просиживать в библиотеке над учебниками по биохимии...»

«Гуманитарии плачут. Математика и химия — главные преграды на моем пути к сердцу Жунбао!»

В конце концов, видя неутраченный интерес, другие вузы тоже начали протягивать Ли Жуну оливковую ветвь, приглашая его выступить у них. Студенты ликовали, пользователи соцсетей соревновались в восторженных комментариях, а официальные аккаунты университетов собирали небывалые охваты.

Университет А, видя, как другие пытаются увести их «золотого мальчика», не на шутку встревожился и, пользуясь правом первоочередности, в кратчайшие сроки утвердил дату эксклюзивного выступления.

Ли Жун, в свою очередь, был только рад взаимной выгоде и охотно принял приглашение. Он предвидел, что интерес общества со временем сместится с препарата на него самого. Фармацевтика и биохимия — области слишком специфические; хотя заговор и несправедливость вызвали гнев масс, внимание толпы ограничено. По-настоящему верными теме оставались лишь пациенты и их близкие. Юноша понимал: в реальности базовые человеческие желания — вроде тяги к красоте — распространяются куда быстрее любых научных истин.

Он был искренне благодарен госпоже Гу Нун за ту внешность, которую она ему подарила — эта оболочка не раз приносила ему неожиданную помощь в жизни.

После еще пары коротких фраз с Сун Хэ, Ли Жун зашел в свою комнату и рухнул на кровать. Не прошло и минуты, как он провалился в глубокий сон. Он знал, что ему нужно принять душ, но без помощи Цэнь Сяо сил не осталось даже на то, чтобы доплзти до ванной.

Сун Хэ смотрел на закрытую дверь и светящее за окном небо, чувствуя, как внутри него рождается небывалый прилив сил. Раньше он считал свою жизнь непосильной ношей: болезнь сестры, требующая пожизненного лечения, подкосила всю семью. Пока другие наслаждались студенческими годами, он познавал тяготы подработок. Но что значили его беды в сравнении с участью Ли Жуна?

Ли Жун рухнул с небес на землю, лишился семьи, но не проклинал судьбу. Стоило появиться малейшему шансу, одной возможности из десяти тысяч, и он вгрызался в неё, отдавая все силы без остатка. Эта яростная, кипучая жажда жизни освещала всё вокруг, согревая даже его — случайного свидетеля. Имел ли он право жаловаться на долю?

Взбодрившись, Сун Хэ закинул рюкзак на плечо и тихо вышел из комнаты, отправляясь на утренние занятия.

А измотанный Ли Жун, чье тело ныло после изоощренных ласк, даже не подозревал, что невольно стал маяком для одного простого парня.

***

Он проспал всего четыре часа, после чего заставил себя подняться и отправился в душ. Горячая вода сделала отметины на коже еще ярче, поэтому юноше пришлось надеть строгую белую сорочку, застегнув её на все пуговицы. Перед зеркалом он внимательно изучил свое лицо: несмотря на бессонную ночь, лишь легкие тени под глазами выдавали усталость. К счастью, в двадцать лет организм еще прощал подобные излишества.

В девять сорок Ли Жун отправился к корпусу «Минли». Так сложилось, что здание находилось прямо через дорогу от факультета экономики и управления, а значит, на этом пути была неизбежна встреча со студентами-экономфака. Например, с Гу Тянем, которого дядя Гу Чжаонянь пристроил туда за деньги, или с Цэнь Сяо, который, вопреки такой же бессонной ночи, казался полным энергии.

Гу Тянь по-прежнему изнывал от зависти и злости, но сейчас пропасть между ними стала настолько глубокой, что он даже боялся признаться кому-либо в их родстве. Увидев Ли Жуну издали, он презрительно скривился, фыркнул и демонстративно свернул в другую сторону.

— Эй, Гу Тянь, ты куда?

— Что стряслось?

— Телефон забыл, — раздраженно бросил он. — Идите без меня.

Ли Жун видел это, но не удостоил его даже взглядом. Зато другие студенты не смогли сдержать любопытства. Они робко подошли и вежливо спросили:

— Вы ведь Ли Жун?

Он старался быть обходительным со студентами своего вуза, а потому остановился и вежливо кивнул.

— А-а-а, и правда вы! Я видел объявление о вашей лекции и пришел специально ради этого.

— Я и раньше поддерживал профессора Ли, а теперь поддерживаю вас. Вы молодец!

— Не обращайтесь внимания на злые языки. Всегда найдутся те, кто кичится возрастом и не желает признавать таланты молодых.

— Удачи вам! Я верю, что у вас обязательно получится воссоздать «Люйиньской»!

Ли Жун мягко улыбнулся:

— Спасибо.

Студенты Университета А всё же обладали критическим мышлением и духом противоречия. И хотя юноше больше не требовалось чужое одобрение, чтобы двигаться вперед, поддержка всегда была приятна.

Не успела улыбка исчезнуть с его лица, как из дверей корпуса вышел Цэнь Сяо. Только что закончилась первая пара. Они расстались в машине около пяти утра, а в восемь у того уже начались занятия.

Ли Жун издали наблюдал за ним. Улыбка медленно сошла с его губ, взгляд стал холодным и отстраненным. Ветер взлохматил пряди на его лбу, придавая облику юноши ауру ледяного безразличия. Воодушевленные студенты, почувствовав перемену, притихли и проследили за его взором.

Тот спустился по ступеням и замер. Заметив Ли Жуна, он едва заметно усмехнулся. Для большинства однокурсников капитан Цэнь был фигурой загадочной и пугающей. Статус лидера «Призрачного глаза» заставлял многих держаться от него подальше, да и сам Цэнь Сяо не стремился заводить друзей. Для окружающих он был человеком с влиятельными связями и крайне тяжелым характером.

Когда их взгляды встретились, веки Ли Жуна едва заметно дрогнули. Собеседник же, ничуть не смущаясь, направился прямо к нему. Он был чуть выше и, пользуясь этим преимуществом, бесцеремонно окинул юношу взглядом с головы до ног, задержавшись на плотно застегнутом воротнике.

— Какая встреча, — произнес он.

Ли Жун едва заметно дернул уголком губ, в его глазах не было и тени радости.

— Да уж, на редкость удачное совпадение.

Цэнь Сяо бесцеремонно положил руку ему на плечо.

— Купаешься в лучах славы, я смотрю.

Юноша скосил глаза на его ладонь:

— Твоими молитвами.

— В Университете А за тобой ходят толпами, — продолжал тот. — Со стороны можно подумать, что к нам приехала мировая звезда.

Ли Жун не выдержал и резким движением сбросил его руку.

— Если у капитана Цэня нет ко мне дел, я пойду.

Однако Цэнь Сяо мертвой хваткой вцепился в его запястье, заставляя остановиться.

— Куда такая спешка? Неужели, переметнувшись под крыло «Хунсо», ты больше не желаешь даже парой слов перебраться?

Ли Жун закусил губу, в его глазах вспыхнул гнев. Студенты экономфака, наблюдавшие за сценой, испуганно переглянулись.

— У нас... у нас сейчас пара начнется, мы пойдем, — пролепетали они и поспешили ретироваться.

Отойдя на приличное расстояние, они принялись вполголоса обсуждать увиденное:

— Что это с ними? Искры так и летят.

— Тсс, не впутывайся. Говорят, «Ланьшу» хотели, чтобы Ли Жун работал у них, но он выбрал Институт «Хунсо», потому что там работали его родители. Вот в Объединенной палате и взъелись.

— А я-то думал, они в ладах. Оказывается, из-за выгоды вцепились друг другу в глотки.

— О каких «ладах» речь? У них такие должности, что интересы всегда выше дружбы.

— По мне, так Цэнь Сяо просто ищет повод. Ли Жун ничего плохого не сделал, выбор в пользу института вполне логичен.

— Да какая разница... Похоже, теперь они враги навек.

***

Когда свидетели скрылись, Ли Жун наконец смог облегченно выдохнуть. Из-за недосыпа у него почти не осталось сил на эту актерскую игру.

Его лицо всё еще казалось ледяным, но прошептал он совсем другое:

— С утра на занятия, а ты еще...

Впрочем, Цэнь Сяо не выглядел изможденным. Он ослабил хватку на запястье юноши и так же тихо ответил:

— Принял душ? Приятно пахнешь.

— Только что из ванной. В такую жару едва нашел подходящую одежду, — проворчал Ли Жун.

В такую погоду можно было бы ограничиться футболкой, но ни одна из них не закрывала ключицы полностью. Цэнь Сяо понимающе усмехнулся. Ему хотелось рассмеяться, но, помня о множестве любопытных глаз вокруг, он сдержался.

— Жил бы ты у меня, я бы сам тебя искупал. И одежды там в избытке.

— Цыц. Если бы ты так не усердствовал, мне не пришлось бы отмываться, — буркнул Ли Жун, сохраняя официальное выражение лица.

Цэнь Сяо игриво вскинул бровь.

— А кто вчера просил кончить внутрь?

Ли Жун мгновенно отвернулся, глубоко вдохнул и с предельно серьезным видом отрезал:

— У меня лекция. Я ухожу.

Для стороннего наблюдателя это выглядело так, будто он с силой вырвал руку, окончательно выведенный из себя выходкой капитана Цэня, и поспешил прочь с пылающим от гнева лицом.